

Название для этих сокровенных заметок о Василии Шукшине я взял из стихов моего покойного уже друга – прекрасного вологодского лирика Александра Романова «Калина»:

Что цветешь, калина, поздно?
И о чем душе поет
этот взвитый многозвездно
над проселками полет?
Трону стынущую ветку –
снова памятью тянусь
к дорогому человеку,
растревожившему Русь.

Да, Шукшин растревожил Русь – и ту, исконную, разинскую, и современную страну чудиков да хищников, и грядущую, какой она должна явиться после морака и третьих петухов. А ещё ту, которая дремлет в каждом русском. Тот же Саша Романов, который познакомился с Шукшиным, когда тот снимал в Белозёрске «Калину красную», написал в стихах, посвящённых другу-художнику:

Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас...

Там, в глубинах моей души, живут и идут по жизни два творца, два надёжных товарища с матросской душой, два бесстрашных художника-правдолюбца – Николай Рубцов и Василий Шукшин, старшие мои современники и учителя на многотрудном литературном поприще. По-настоящему я вступил на него под знаком Шукшина.

ЗВЕЗДА «ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ»

После окончания Литературного института в апреле 1973 года мне улыбнулась судьба: поскольку я уже начал выступать на Днях литературы как молодой и подающий надежды поэт, то снискал доброе отношение старших товарищей от Егора Исаева до Алима Кешакова, последний реко-

мендовал меня главному редактору «Литературной России» Константину Ивановичу Поздняеву. Исследователь творчества Бориса Корнилова пригласил в кабинет, узнал, что я закончил семинар поэзии Льва Ошанина, попросил стихи и на следующий день предложил возглавить отдел поэзии

с формулировкой: «Уверен, что никто не скажет: а судьбы кто?» Предложил выйти на должность тут же, без намёка на отпуск после защиты диплома. Так я занял кабинет на 6-м этаже здания на Цветном бульваре, 30, став самым молодым заведующим поэзией из всех литературно-художественных изданий. А причём тут стихи и Шукшин? Дело в том, что тогда в редакции Шукшин стал самым любимым и ярким автором. Писатель Роман Сенчин исследовал этот период творчества Шукшина, упоминая в первых строках и меня: «В 1973 году в «Литературной России» были опубликованы четыре шукшинских рассказа... В течение трёх первых месяцев – с января по март – вышли три рассказа. Причём не миниатюр, не «юморесок» вроде «Трёх граций», а на разворот и больше. Это несчастный случай в истории «ЛР», где старались не печатать слишком часто ни своих любимых авторов, ни литературных генералов, а здесь сравнительно молодой автор, и чуть ли не из номера в номер. Конечно, рассказы Шукшина оживляли газету, привлекали к ней читателя, но тем не менее...

Сотрудники газеты того времени оставили скудные сведения о Шукшине – авторе «Литературной России». Вспоминает Александр Бобров («ЛР», 2008, № 6):

«Главным автором был Василий Макарович Шукшин. Он почему полюбил нашу «Лит.Россию». Рассказ у него появлялся – выходил тут же в свет через одну-две недели. Он ведь был начинающий автор, нетерпеливый, как дилетант. Напишет в командировке рассказ – охота, чтоб сразу вышел. Ну и выходил. Писал в дневнике: «Я не люблю мечтать. Я отмечтался».

Смешно и грустно читать – был мечтателем, идеалистом, парнем по натуре. Редактировать в его рассказах ничего не приходилось, только если цензурная правка, а так они были цельные, отлитые».

Два замечания. Первое: Шукшина действительно почти до самой его смерти считали молодым, начинающим. Это заметно во многих статьях и рецензиях (не только опубликованных в «ЛР» того времени). Лишь «Калина красная» – и повесть и фильм – изменили это отношение. Второе: Александр Бобров упоминает о цензурной правке. Я пытался сверять прижизненные публикации рассказов Шукшина с теми, что изданы в 90-е годы в собрании сочинений. Разночтений не нашёл (но признаюсь, что не был очень усерден). С чего он акцентировал внимание на цензуре по нынешней привычке держать фиги в кармане? Конъюнктурная редакторская правка – другое. Шукшин был гениальным автором с первых рассказов: он тонко чувствовал, что правда, даже неприятная для власти или конкретных церберов, должна быть разлита в художественной ткани произведения, которое воспринимается как живая и неподсудная жизнь, а не дешёвая остротца напоказ или провокация. Да и редактор у него был опытный, сгладил бы.

Снова - Сенчин: «А вот из воспоминаний Галины Васильевны Дробот, многолетнего заведомом прозы «Литературной России» (2001, № 24):«...Наш отдел русской литературы был не просто редакционным отделом, но ещё и как бы литературным клубом. Помню, как «бегал» по моему кабинету Василий Шукшин, пока в зале крутили его «Печки-лавочки». В

зал он не пошёл, объяснив: «Как примут – не знаю. Волнуюсь!» Мы дружили с Василием Макаровичем. Он присылал мне из больницы, где лечился, блокнотные странички, густо исписанные неровным почерком. Это были новые рассказы. Я отдавала их на перепечатку, и тут же мы ставили их в номер».

Звезда режиссёра и прозаика Шукшина стремительно восходила на небосклоне русской, якобы застойной тогда культуры. Первая книга Шукшина – «Сельские жители» – вышла в 1963 году в издательстве «Молодая гвардия», которая поддерживал молодых авторов, как ни одно издательство в мире. В том же году он только начинает работать режиссёром на киностудии имени Горького. Снимает на Чуйском тракте по своему сценарию фильм «Живёт такой парень». Фильм вышел на экран в 1964 году и сразу же привлёк внимание зрителей и критики. Я смотрел его в армии, в городе Новомосковске, где находился в ссылке Ярослав Смеляков. В 1965 году Шукшин начал писать киносценарий о восстании под предводительством Степана Разина, но не получил одобрения Госкомкино СССР. Впоследствии сценарий был переработан в роман «Я пришёл дать вам волю».

Многие годы Василий Макарович совмещал работу над фильмами с писательским трудом урывками. Писал он от руки в толстую тетрадь и обычно по ночам. В то время и удалось накоротке познакомиться с Шукшиным, в коридоре, можно сказать, и в буфете на 6-м этаже знаменитого конструктивистского здания, где и располагалась выше ЛГ «Литературная Россия». Уже тогда, сразу, я понял,

что при всей завоёванной любви народа к режиссёру и актёру Шукшину его талант прозаика несравненно выше, промыслительней и спасительней для России. Кстати, киноповесть «Калина красная» я прочитал раньше, чем увидел лучший фильм Шукшина, и тогда же убедился, что это великая, скупая проза сама по себе – без «картинки». Те незабвенные 1973-1974 годы, когда я входил в литературу, вообще стали очень успешными и плодотворными для Шукшина. Вышел на экраны его фильм «Калина красная», получивший первый приз ВКФ, был опубликован классический сборник рассказов «Характеры». На сцене Большого драматического театра готовилась постановка пьесы «Энергичные люди» - режиссёром Товстоноговым. Свое последнее лето 1974 года Шукшин провёл на съёмках фильма «Они сражались за Родину», о котором речь – впереди. На счету Василия Макаровича более двадцати фильмов, но настоящая народная любовь пришла к нему только за год до смерти, после того как на экраны вышел фильм «Калина красная».

Когда картина уже находилась на стадии монтажа, Шукшин с язвой желудка попал в больницу. Однако доверить монтаж не мог никому и, несмотря на жесточайшую боль, сам часами просиживал на «Мосфильме». Смены длились часов по двенадцать, и каждые два часа Шукшина буквально скручивало от боли. Он бледнел, сжимал зубы и ложился лицом вниз прямо на стулья. Зная его стеснительность, все, кто находился в павильоне, выходили и выключали за собой свет. Минут через двадцать в коридоре появлялся виновато улыбающийся Шукшин. «Калина

красная» потрясла страну. Фильм, по различным оценкам, посмотрело около 60 миллионов человек!

Мне довелось быть «свежей головой» погожим и чёрным октябрьским вечером 1974 года, когда вдруг позвонили писатели из Ростова-на-Дону со страшной вестью: «Умер на съёмках Шукшин!» Мы с ведущим номера – заместителем ответственного секретаря Владимиром Соломатиным, который служил на Северном флоте вместе с Рубцовым, и прозаиком Славой Панкратовым из Петрозаводска решили вопреки правилам не дожидаться официального некролога, заверенного

печатью Союза писателей, с подписанием высоких лиц, а дать под личную ответственность короткое сообщение в чёрной рамке под рубрикой «Скорбная весть»... Я позвонил другу Олегу, ныне тоже покойному. Он примчался на Цветной бульвар, мы купили бутылку и на лавочке, напротив ресторана «Узбекистан», помянули Василия Макаровича. Наутро вышел тот памятный номер «ЛР» - тоже с колёс, как выходили рассказы самого Шукшина. Скорбь коллег и всей читающей России была так велика, что никто и не заметил нашего редакционного прегрешения.

ЭХО СЛАВЫ И КЛЕВЕТЫ

Давно не удаётся попасть на фестиваль «Шукшинские дни», который был весьма масштабным в 2014-м, когда весь край и съехавшиеся на Алтай гости отмечали 85-летие со дня рождения Василия Макаровича. Зародившиеся 25 июля 1976 года Шукшинские чтения стали доброй традицией, в 1999 году, в год 70-летия В.М. Шукшина, было объявлено о присвоении Шукшинским дням статуса Всероссийских. Они открываются в Барнауле, проходят в Бийске и завершаются большим праздником в Сростках. Не раз бывал и выступал я на знаменитой горе Пикет, где сидит прямо на склоне Василий Шукшин, изваянный Вячеславом Клыковым - частым гостем начала 80-х. Ушедший не так давно из жизни Валентин Распутин назвал Пикет Поклонною горою: «Нам очень не хватает Шукшиных, тех, кому люди верили бы как себе, чьи слова выражали бы их самые сокровенные думы и чаяния, кого

без преувеличения можно было бы назвать совестью народной, – говорил на Пикете Валентин Григорьевич. – У Шукшина всё это было. Поручкой тому – вся его жизнь и творчество (они у него нераздельны). Поэтому, наверное, и тянутся к нему люди, потому и едут на Пикет поклониться своему печальнику».

Кстати, на пике молодой славы Валентина после «Денег для Марии» я и познакомился с ним лично в 1975 году на Днях литературы в шукшинском Алтайском крае. Больше сорока лет прошло, а я как сейчас помню горное утро в пионерлагере селения Манжерок, которое вошло в популярную песню, благодаря молодёжному фестивалю советско-монгольской дружбы. Мы проснулись с ним под сенью лиственниц, после горячей встречи писателей накануне, в отремонтированной комнате на шесть кроватей с казенным плафоном. И Валя в лучах солнца, бившего сквозь незашторенные окна,

сказал мне так серьёзно и сокровенно, как умеет только он говорить: «Саня, ты молодой. Стихи под гитару поешь. Будут тепло встречать, наливать, хвалить. Никого не слушай – только ещё больше работай!» Собственно говоря, сам он и жил по этому завету. Тогда Распутин дописывал повесть «Прощание с Матёрой», которая вышла в следующем году и вознесла его на новый виток славы.

С 2007 года в Алтайском крае вручается Шукшинская литературная премия губернатора Алтайского края, присуждаемая один раз в два года. Претендовать на её получение может писатель из любого региона России. Первым обладателем премии стал писатель из Кургана Виктор Потанин. В 2009 году – в год 80-летия В.М. Шукшина – она была вручена Ивану Евсеенко из Воронежа, ныне покойному, в 2011-м её обладателем стал писатель и врач из Курска Михаил Еськов, а в 2014-м – алтайский писатель, руководитель Алтайского отделения СП России Анатолий Кирилин. С последним – не знаком, и вообще, к сожалению, имена таких лауреатов мало известны широкому читателю – это прямая вина ТВ и других СМИ. Зато в них любят «разоблачения». Помню, приехал в Киев, купил газету «Бульвар Гордона», и руки захотелось помыть. Вторая жена Василия Шукшина, заслуженная артистка Украины Лидия Чашкина накануне майдана принялась в очередной раз костерить бывшего спутника жизни и своего первого режиссёра в кино. От этого брака не сохранилось ни писем, ни совместных фотографий – расставаясь, Лидия, как она утверждает, все изорвала в мелкие клочки и бросила ему в лицо. Теперь городи бульварному листку что хочешь!

– Лидия Александровна, у вас было многообещающее начало в кино. После первой же роли, сыгранной в фильме «Живет такой парень», о вас заговорили. А чем вам запомнился ваш дебют?

– Я могла бы много чего напридумывать, но скажу правду. После просмотра в Доме кино – это уже была не премьера! – мы с Беллой Ахмадулиной, которая в картине сыграла журналистку, с ее мужем писателем Юрием Нагибиным и компанией кинематографистов зашли в ресторан. И вот провозглашают тост за самобытный талант Шукшина, за потрясающую операторскую работу Валерия Гинзбурга, говорят, какая я красавица... Все выпивают, веселье в разгаре. И вдруг после третьей рюмки Шукшин кричит мне через весь стол: «Ах ты сволочь! А ну говори, с кем ты мне рога наставляла!» И дальше в том же духе, не стесняясь в выражениях... Режиссер Марк Донской его успокаивает: «Вася, как тебе не стыдно?» Если бы сейчас была такая ситуация, я бы встала и бутылкой ему по башке дала, чтобы он заткнулся на веки вечные, а тогда, 22-летней девчонкой, растерялась, оцепенела...

– Почему его никто не одернул, не вывел из зала? Неужели рыцаря не нашлось?

– Скорее, в кинематографических кругах такое отношение к женщине не считалось чем-то особенным. Шукшин мне рассказывал, как на набережной Москвы-реки однажды встретился с пьяным Пырьевым...

– ...которого коллеги прозвали Упырьевым...

– ...и тот привел его к себе домой, на кухню. Этот всеильный человек, в прошлом директор «Мосфильма», основатель Союза

кинематографистов СССР, жаловался случайному собутыльнику: «Ты думаешь, мне легко нести этот крест? Я иногда готов послать все к чертовой матери». С высоты своего положения он учил Шукшина жить: мол, честным путем в столице не пробьешься – надо приспособливаться, изворачиваться, врать. Во время этих затянувшихся до утра посиделок к ним несколько раз заходила Марина Ладынина: Пырьев тогда еще с ней жил. «Ваня, – увещевала она мужа, – тебе пора спать», а тот в ответ посылал ее матом. По словам Васьки, он был потрясен, когда увидел их отношения, то, как прославленный режиссер обращается с актрисой – кумиром его молодости. Помню, я эти охи-вздохи слушала, а про себя думала: «А чем ты лучше?»

– Кажется, я начинаю понимать, почему вы многие годы избегали расспросов о человеке, который был вашим первым мужем...

Ну вот, а теперь пришло время не самого Шукшина или Пырьева, а таких гордонов и чащиных... Но достойные люди, настоящие художники – иное пишут, даже в бытовом плане. Шукшина пригласили на премьеру «Станных людей» в Париж. Вместе с ним туда выехал и режиссер Глеб Панфилов. Вот как он вспоминал об этом: «Шукшин в бороде Степана Разина, в кепочке массового пошива и в плаще неизвестного происхождения едет в Парижский Киноцентр на премьеру своей картины «Станные люди» и моего «Начала». Едем мы вместе. Помню, перед демонстрацией нас угощали каким-то замечательным, сверхмарочным шампанским - из подвалов времени. Вкуса не помню - так волновался. А Вася и вовсе

не пил. Он вообще в то время дал зарок не пить ни капли и свое слово сдержал до самой смерти. Потом рассказывал, что однажды пошел со своей маленькой дочкой гулять. Встретил приятеля, зашли на минуту отметить встречу. Дочку оставили на улице. И забыли. А когда вышел из кафе, дочки не оказалось. В ужасе он обегал весь район. Что пережил - не рассказывал, но, по-видимому, это так его потрясло, что он поклялся никогда больше не пить, что и выполнил. Мне кажется, что он вообще выполнял все, что задумывал, все, что зависело от него, лично от него, от силы его воли, его характера. Но, конечно, ничего не мог сделать, когда ему мешали, когда за него решали».

Об этом же рассказ А. Заболоцкого: «С 1969 года (я работал с ним до последних дней) ни разу ни с кем Шукшин не выпил. Даже на двух его днях рождения не тронул он спиртного, а нам разливал без паузы, рассказывал не без гордости: у Михаила Александровича в гостях не выпил, на что обиженный Шолохов обронил ему: «Буду в Москве у тебя, чашки чаю не трону».

Когда-то я тоже ездил в конце июля в Сrostки вместе с огромной делегацией писателей, приезжали и актеры. Помню, как Людмила Зайцева пошутила на поляне, на горе Пикет, заполненной народом: «Теперь все по Парижам и Венециям разъезжают, а мы сюда, поклониться Василию Макарычу». Не так давно в Союзе писателей России главный редактор журнала «Бийский Вестник» Виктор Буланчиков вручил нам с Люсей медаль Василия Шукшина. Горжусь, что вместе с тогда живым ещё классиком Валентином Распутиным,

народными актрисами Лидией Федосеевой-Шукшиной и Людмилой Зайцевой, писателем и меценатом Сергеем Козубенко, который оплатил памятник Шукшину в Сростках, оператором и другом Василия Макаровича Анатолием Заболоцким эту медаль получил и я – автор многих книг. В недавней – «Литературные усадьбы и пенаты России» в разделе «Великие современники» – я написал главу о Шукшине. Издатели сделали название короче – «Литературные усадьбы» и получилось, что скромный дом Шукшиных в Сростках или однокомнатная квартирка Рубцова за Вологодой-рекой – усадьба...

Там, на Шукшинских праздниках, познакомился я с Вячеславом Клыковым, который сделал незадолго до смерти ещё один душевный памятник Макарычу, ел уху из линей с ироничным Георгием Бурковым, который вспоминал серьёзные вещи («Как-то Шукшин спросил меня: «Ты знал, что будешь знаменитым?» - «Нет» - «А я знал». Это черта его цельного характера – он все представлял наперед!), пел с Геннадием Заволокиным, который издал сборник «Частушки родины Шукшина», бражничал с Валерием Золотухиным, который ходил с каким-то посошком, выпендривался, но ещё стеснялся читать при Валентине Распутине и Василии Белове свою прозу. Здесь с трепетом открывал сборник-венок стихотворений «Как трудно говорить о Шукшине...», в котором дважды печатались и мои стихи.

Ну и с выдающимися писателями Земли русской, тремя столпами деревенской прозы, как называли её для краткости столичные русскоязычные критики – Астафьевым, Беловым, Распутиным – встре-

чался, выпивал, беседовал под алтайским солнцем. Ведь писательские делегации 80-х были представительны и неповторимы. Помню приезд летом 1985 года, наверное, если судить по очередям в винных магазинах. Мы встречали Виктора Астафьева и жену его – Марию Карякину, на Шукшинских праздниках, в июльском Барнауле. Грузный критик Володя Коробов рассказывал о новой книге про Шукшина, друг мой Валя Устинов громко смеялся с Геной Пановым и Володей Башуновым, который составил книгу стихов о Шукшине. Седой писатель вышел из машины какой-то радостный, искренне обнялся с Валентином Распутиным, тепло поздоровался со всеми нами, поэтами, и нарочито громко сказал: «Ну, летели мы от Красноярска до Барнаула над южными сибирскими землями. Какой размах, какая плодородная силища. Глядел в иллюминатор и думал: отдать бы землю мужикам. Ну, попластались бы сначала – как без этого? Но потом-то всего было бы через край. Через десять лет урожаи бы не знали, куда девать!»

Прошло куда больше двадцати лет, как «отдали», нарезали паи. Попластались, конечно, пограбили, постреляли даже, растащили почти всё. И что? В те годы наших литературных праздников страна подошла к урожаям благополучных стран – тонна зерна на душу населения. Это не значит, что мы столько зерна трескаем. Это значит, что животноводство и птицеводство, промышленность – от пищевой до резиновой – стоят на незыблемой базе, что страна ни от кого не зависит. Пока, даже в самые урожайные годы, столько не собираем. А если природаматушка пошлёт рекордный уро-

жай, то даже правительственная «Российская газета» даёт странный заголовок: «Владимир Путин поручил подумать над последствиями высокого урожая». Звучит диковато, как – «подумать над последствиями стихийного бедствия», например. Но Виктор Петрович и тут нашёл бы какое-нибудь неожиданное объяснение: не тем или не так, мол, отдали. Энергия заблуждения, о которой писал Виктор Шкловский, была в нём – неизбежна. Правильно сказал другой гость праздников Владимир Крупин: «В нём был силён дух сопротивления». Есть такая русская черта – говорить попереёк, противоречить даже самому себе, бросать вызов прошлому. Да так, что, увы, кажется правым и другой серьёзный писатель, который в дружеском застолье при обсуждении позиции Астафьева последних лет при всем почтении к писателю вдруг резко заявил: «Да не будь советской власти – он так бы сцепщиком вагонов и остался». Ну, это уж другая крайность, а мне не раз приходилось писать про противоречивый характер огромного художника слова, который и сам себе противоречил, и вообще никого не жалел.

На следующее утро, после бурного вечера, и литературного, и дружеского с чтением стихов, мы тронулись на Бийск, проезжали мимо какого-то магазина при трассе, который славился своим черноплодным вином. Очередь стояла с площадки перед лавкой. Я вызвался пойти за возделенным напитком, но Виктор Петрович громко сказал на весь автобус: «Санька, тебе нельзя – ты парень высокий, видный, тебя угрюмый народ без очереди не пустит. Пусть Марья моя пойдёт – она маленькая,

невзрачная – её, глядишь, пожалеют и пропустят». Но пошёл с водителем я, и очередь, узнав, что мы – делегация писателей, шукшинские гости – пропустила!

В этой поездке я снова убедился, к слову, что неизменной любовью Виктора Астафьева оставался Николай Рубцов, чья поэзия тогда уже набрала силу, зазвучала в новых песнях, расходилась огромными тиражами. В своей книге Юрий Ростовцев вспоминает о встрече Астафьева с актёром, который хотел сделать программу по стихам Рубцова, и прозаик наставлял лицедея: «Мы жили в Вологде очень интенсивно. Частенько в память о Николае Михайловиче сходились как бы на помин. Но не за рюмкой только. Читали его стихи. Каждый – свое заветное. Иногда за рамки выходили – два читали. Я обязательно – «Вечерние стихи», которые люблю... Витя Коротаев порой брался даже за фрагменты поэмы про разбойника Лялю. Труднейший текст! Саша Романов – стихотворение «Тихая моя родина». Потом еще кто-то затевался. А Белов прежде всего – «Осенние этюды». Как прекрасно он это читает! Восторг, упоение. Вася и себя прекрасно читает, если захочет, чего он желает, увы, редко... Это вам, актерам, кажется, что мы плохо читаем. Нет, лучше автора – никто не прочтет. Автор, читая свой текст, сразу улавливает пробелы, то, что он не сумел выразить. На лист бумаги попадает только отблеск, тысячный отзвук того, что в душе автора звучало. Слава Богу, если эти отблески упали пусть и не все, но не в искаженном виде. И он, автор, подсознательно – в голосе или в интонации своего чтения – доносит то частично недописанное, с чем не

совладел как мастер. То есть он всегда выговаривается – при чтении – обогащенным текстом».

Глубочайшая мысль! Но такие откровения сочетались в Викторе Петровиче с искренними заблуждениями. Литературовед Виктор Шкловский ввёл при изучении творчества крупных писателей (особенно на примере Льва Толстого) парадоксальный термин – энергия заблуждения. Этой энергии, повторяю, было в Астафьеве – через край. Сам он, конечно, как художник предчувствовал очень много. Вскоре появится «Печальный детектив», вызвавший разрушительный восторг либеральной критики, но предостерегающим образом нынешнего времени я сделал бы не поздних героев Астафьева, даже не «весёлого солдата», а браконьера из его «Царь-рыбы» – того, кто сам зацепляется за крючки, выпадает из лодки и продолжает не освобождаться, а всё больше запутываться в своей адской, смертной снасти. Похоже, к самоистреблению Россия и движется в экологии, в экономике, в культуре. Спасительную роль могли бы сыграть лучшие произведения Астафьева, но, увы... Центральный библиотечный коллектор, помню, совместно с «Литератур-

ной газетой» подготовили каталог «Золотая полка», куда вошло 500 наименований художественных и просветительских изданий года. Эти книги были рекомендованы для заказа библиотекам, они давали читающему миру полное представление о современной русской литературе. Так вот, больше всего заказов оказалось у книги в серии «Школьная библиотека» Василия Шукшина «До третьих петухов» – 22 библиотеки заказали 576 экземпляров (тоже не ахти!), а книга Виктора Астафьева «Царь-рыба» – сильнейшая, на мой взгляд, повесть писателя, получила... ноль заказов. Такое на дворе установилось время, которое сам Виктор Петрович невольно приближал вместе с либералами. Русская загадка...

Кто сегодня всходит на гору Пикет, любуется светлой водой Катуня? – не ведаю. Там многие засветились из тех, кого Шукшин сегодня, болея за Россию, и на дух бы не перенес. У него в рабочих записях есть короткая, нервная фраза: «Не теперь, нет. Важно прорваться в будущую Россию». Вроде бы, прорвался, нельзя представить Россию без Шукшина, а если бы ожил, взглянул на творящееся с ней!..

КАЛИНА КРАСНАЯ НАД БЕЛОЗЕРОМ

В книге путевой прозы «Дорога на Белозерье» я написал большой очерк о древнем Белозёрске и окрестностях, где Шукшин снимал по совету закадычного друга Василия Белова фильм «Калина красная». Пошел по набережной, где отрывался от милиции шукшинский герой Егор Прокудин, в администрацию района, познако-

мился там на ходу с отъезжавшим в Вологду главой администрации Александром Александровичем Цымбаловым – коренным белозерцем, но чернявым, совсем не похожим на северянина: «Меня и фамилия, и внешность подвела, – смеется он. – Прадед был Большаковым, но фамилия пошла от немца-владельца Цымбала, ну

а обличие - татарские гены... О современном положении района нужно основательно беседовать. Вот вы тридцать лет назад приезжали - село тогда было совсем другим: госпоставки, бесплатная техника, семена, солярка - копейки стоила, капитальное строительство централизованно велось. Сегодня надо выращивать кулака. Не могу найти точнее слова. Кулака, чтобы зубами за хозяйство держался и выживал в рынке...» Простился с Цымбаловым, а в голове всё стояла его фраза: «Надо выращивать кулака». Ну, вырастим, а русского человека - не потеряем? Шёл по славному и древнейшему Белозерску, мимо ладьи ушкунников-новгородцев и умирающего двухэтажного дома. Надо на нём доску мемориальную открыть: гостиницы «Русь» еще не было - киногруппа жила в деревянном Доме колхозника с резными украшениями. Тогда он был наполовину заброшен, другой вход открыт, но обихоженностью не отличался. Вот отличное место для музея и гостевого дома! Конечно, в экспозиции краеведческого музея есть зал Шукшина, но тут сам дом - мемориальный.

Сотрудница администрации и руководитель местного литобъединения «Белоозеро» Лидия рассказала мне, что всё больше людей приезжают в деревню Садовую, на родину киногероя Егора Прокудина. Там остался лишь один коренной житель - Вашпанов. А вот Офимия Ефимовна Быстрова - всем запомнившаяся Куделиха, мать Егора, давно умерла. Но за год до моего приезда ей поставили памятник. Фотографию дома не могли найти - так сделали прямо кадр из фильма - Куделиха в окне. Деньги на памятник собирали

всем миром: вот она, сила искусства! Да, права Лидия, которая к тому же шутит: «У нас два поэта на один гектар. Площадь города 9,5 га, а поэтов - 18 человек!» Не знаю, как думают поэты или певуны из ансамбля с красивым названием «Осёнушки», которые поют песни на стихи поэта-танкиста Сергея Орлова, не знавшего, что он из графьев, как доказывает его внук - чиновник Мосгордумы, но мне кажется, что олигарха «Северстали» или выращиваемого кулака - не осеняет шукшинская калина красная. А может, я и ошибаюсь...

В Белозерске, словно в приморских городах, - на какой бы замкнутой улице ты ни находился, постоянно ощущается волнующая близость вольной водной стихии. Она угадывается по свежему ветру, по призрачному свечению неба за домами, по устремленности улиц, проулков и дорожек в ту сторону, где раскинулось озеро, где повторяет очертание берегов обводной канал и белеет обелиск с надписью о том, что Белозерский канал сооружен в 1846 году.

По набережной, где вальжано шёл Егор Прокудин, теснятся бывшие лабазы и лавочки из красного кирпича. Здесь шумела когда-то рыбацкая слобода. «Золотым дном» называли рыбаки свое Белое озеро, запасы которого долго казались неистощимыми. Тогда, тридцать лет назад, мутноватая белесая вода, плещущая в огромные валуны, которыми выложен берег, всю цвела. Лето вошло в полную силу.

С трудом взбираясь на могучий вал земляной крепости, уходящий ввысь под крутым углом, я с удивлением увидел, что его почти неприступный склон тщательно выкошен. Ровные валки

подсыхающей травы на этом крутом склоне вызвали уважение к неведомому косарю, обладавшему отменной сноровкой, упорством и хозяйской сметкой, искони присутщими насельникам этой земли. Их трудом на самом краю Руси смело был основан процветающий город, вырыты глубокие рвы, насыпаны грандиозные валы кремля и построен могучий Преображенский собор – последний оплот обороны в самом центре крепости. По летописи он возведен «казною великого государя и подаянием всяких людей».

Но и собор, и канал стали живым памятником безвестным «всяким людям», негнибачим нашим предкам, обжившим суровые земли. И нигде не ощущаешь это так остро, как здесь, на валах кремля, с которых обзревается вся панорама города, с куполами и трубами, особняками и коробками новостроек, с деловито и празднично шагающими людьми. Отсюда и

сегодня открылась мне бескрайняя, теряющаяся в дымке ширь озера, серого на западе и воздушно-голубого на востоке. Слева лучи солнца, расходясь веером, пробивали сизо-свинцовые облака, и цвет воды был угрюмым, тяжелым, справа – синее небо очистилось и умиротворенно отразилось в отзывчивых водах. Вот и попробуй определи кратко, какое оно – это озеро. Разное, меняющееся, неуловимое?..

Высоко на холмах междуречий и насыпных городищах встали наши кремли, чтобы далеко и просторно было видно с них сынам равнинной стороны, чтобы вся обширная земля, объемлемая долгим взглядом, представляла величавой и до боли открытой – от Русского Севера до Алтая. Не окинешь ее с одного – хоть и долгого – взгляда, не поймешь разом всего, что творится на ней, но главное твердо знать – что земля эта единая, единственная, своя.

* * *

Белое озеро. Синяя ширь.
А за валами и рвом, за веками –
Преображенский собор-богатырь
Светит шеломами под облаками.

Что вспоминает он?
Трудно гадать.
Чаши озер нашей памяти полны:
Мирные годы – зеркальная гладь,
Грозные годы – огромные волны.

Жажду открытий им не захлестнуть,
Даже на суше скрипит – не уймется,
Словно готова в неведомый путь
Лодья ушкуйников-первопроходцев.

Молодцев удаль судить не берусь –
Что бы ни сделали, ни повидали,
Перетекла новгородская Русь
В Чудь заволоцкую, в новые дали.

Может, из них мы сегодня глядим,
Славу и горечь столетий приемля.
Есть благодатней, но не предадим
Эту родную, суровую землю.

Белое озеро. Синяя ширь.
Я на ветру ледяном - не остыну:
Ведь не напрасно Василий Шукшин
Здесь возжигал и восславил калину!

ХАРАКТЕРЫ

Теперь я преподаю в двух вузах не только мастерство журналиста, но и веду семинар группы литературного творчества в Московском государственном институте культуры. Мы и о современной литературе говорим, и о первых опытах самих студентов. Так вот, я никогда не подходил к творчеству Шукшина по-литературоведчески. Мог, например, оценить и преподнести как пример драматургический ход любимой повести-сказки «Точка зрения». Как она сценична и остроумна – почему не поставили достойно?! Но разбирать произведения Шукшина, его совершенные рассказы филологически – даже неохота. Это сама жизнь. «Сюжет? Это – характер. Будет одна и та же ситуация, но будут действовать два разных человека, будет два разных рассказа – один про одно, второй совсем-совсем про другое», - так говорил сам Шукшин. И добавлял: «Рассказчик всю жизнь пишет один большой роман. И оценивают его потом, когда роман дописан и автор умер». Вот мы и пытаемся безуспешно оценить проявления цельного явления.

Василий Макарович назвал один из своих рассказов «Чудик» – так именовала честного, доброго, но незадачливого героя его жена. «Иногда ласково», – обронил

писатель – и всё ясно: «иногда». Но тогдашняя критика даже это «иногда» отвергла. Словосочетание «шукшинские чудики» стало штампом. Так легче было отмахнуться, отписаться от тех мучительных вопросов, которые ставил Василий Макарович в своих бесхитростных, вроде бы, рассказах. Прошли годы – страшные для русского человека, для опустошения его души, и вот теперь, снова перечитывая его рассказы, понимаешь, что в спокойные, относительно сытые и благополучные годы он предчувствовал трагедию. Его «странные люди» (ещё одно собственное название и критический штамп) были живее и раннее тех, которых всё устраивало, или многих, кто держал фигу в кармане, брюзжал на кухнях. Вот эти-то устроившиеся или вечно недовольные ходили потом на митинги, голосовали за Ельцина, не препятствовали развалу государства, надеясь: авось, и нам перепадёт.

Страдалец Князев, писавший по ночам о справедливом устройстве государства, казался просто неудачником, человеком малость свихнувшимся. Сегодня его просто называли бы психом. Тогда это было даже смешно и любопытно. Например, его назидательный рассказ для бездумного отпускника Сильченко, как вырастает огром-

ный холм: люди беспрерывно идут друг за другом и бросают по горстке земли – образуется курган.

«Князев победно смотрел на Сильченко и на старика тоже, но больше на Сильченко.

– Улавливаете?

– Не улавливаю, – сказал Сильченко вызывающе. Его эта победность Князева раздражала. – При чем здесь одно и при чем другое? Мы заговорили, как провести свободное время... Я высказал мысль, что, чем бы ты ни занимался, но если тебе это нравится, значит, ты отдохнул хорошо.

Князев хоть был возбужден, но был и терпелив.

– Вот представьте себе: все прошли и бросили по горстке земли... А вы не бросили! Тогда я вас спрашиваю: в чем смысл вашей жизни?

– Чепуха какая-то. Вот уж действительно галиматья-то... Какой холм? Я вам говорю: вот я приехал отдохнуть... На природу. Мне нравится рыбачить... вот я и буду рыбачить. В чем дело?

– И я тоже приехал отдохнуть.

– Ну?..

– Что?

– Ну и что, холм, что ли, будете насыпать здесь?

Князев посмеялся снисходительно, но уже и не очень терпеливо, зло.

– В чем смысл нашей жизни вообще? – спросил он прямо.

– Это кому как, – уклонился Сильченко.

– Нет, нет, вы ответьте, в чем всеобщий смысл жизни? – Князев подождал ответа, но нетерпение уже целиком овладело им. – Во всеобщей же государственности. Процветает государство – процветаем и мы. Так? Так или не так?

Сильченко пожал плечами... Но согласился – пока, в ожидании,

куда затем стрельнет мысль Князева».

Мысль Князева стреляла в одном направлении – не по-учёному, конечно. Но скажите, куда девались все эти учёные-марксисты? Вот министр финансов Кудрин преподавал... политэкономии. Дикость! И никто из бывших «политэкономистов», никто из окружающих обывателей правдолюбца не желал выслушать. Впрочем, и сегодня не поняли бы: какой такой государственный подход, для чего холм насыпать? Надо разворотить его, а если это курган, то стащить оружие и золотые украшения покойных.

И смешно читать, и больно, и поучительно.

Как глубок его знаменитый рассказ «Верую!» Помню, прочитал в «Нашем современнике» – задохнулся от восторга, стал друзьям названивать! На сельского труженика Максима Ярикова по выходным накатывалась тоска. Вкалывал на работе – нормально, а как свободные часы – душа болит. Жена это презрительно не понимала: «Ой, душа болит... Ну и нервничай, чёрт с тобой! Люди дождутся воскресенья да и отдыхают культурно... В кино ходят. А этот – нервничает, видите ли. Пузырь». О, теперь-то ещё культурнее отдыхают: клубы на селе развалились, зато бары появились, а телевизор – не выключается. И Шукшин предчувствовал, что нового фильма про них, русских ищущих людей – не снимут, а снимут – не покажут на широком экране. И, конечно, его мятущаяся душа тоже искала ответы на глубинные вопросы. Потому и идёт по авторской воле Максим к соседу Лапшину, у которого гостит родственник жены – священник, что-

бы задать вопрос: «У верующих душа болит или нет?» Батюшка взялся объяснять:

– Как только появился род человеческий, так появилось зло. Как появилось зло, так появилось желание бороться с ним, со злом то есть. Появилось добро. Значит, добро появилось только тогда, когда появилось зло. Другими словами, есть зло – есть добро, нет зла – нет добра. Понимаешь меня?

– Ну, ну.

– Не понукай, ибо не запряг еще. Что такое Христос? Это воплощенное добро, призванное уничтожить зло на земле. Две тыщи лет он присутствует среди людей как идея – борется со злом. Две тыщи лет именем Христа уничтожается на земле зло, но конца этому не предвидится... Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет.

– В коммунизм, что ли?

– Что коммунизм?

– В коммунизм веришь?

– Мне не положено. Опять перебиваешь!

– Все, больше не буду. Только ты это... понятней маленько говори. И не торопись.

– Я говорю ясно: хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную высшую силу, которая все это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что сила эта – победит. Иначе – для чего все? А? Где такая сила? – поп вопросительно посмотрел на Максима. – Есть она?

Максим пожал плечами:

– Не знаю.

– Я тоже не знаю.

– Вот те раз!..

– Вот те два. Я такой силы не знаю. Возможно, что мне, человеку, не дано и знать ее, и познать, и

до конца осмыслить. В таком случае я отказываюсь понимать свое пребывание здесь, на земле. Вот это как раз я и чувствую, и ты со своей больной душой пришел точно по адресу: у меня тоже болит душа. Только ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это – океан. И стаканами нам его не вычерпать»...

Что сказать, как охарактеризовать степень непоказного мастерства и достоверности? Сквозь этот живой, сбивчивый разговор прорываются раздумья самого Шукшина о вере, добре и зле, о высшей силе и вечной справедливости. Батюшка старается говорить доходчиво, застольно, не так, как на торжественной проповеди, и, в который раз перечитывая этот рассказ, я вдруг понимаю, почему всё больше людей обращаются сегодня к вере, к Христу: зла-то неизмеримо прибавляется, грехи – множатся, а победа вечного добра и вечного порядка – отдалается...

В 1991 году, на рубеже развала издательского дела, Алтайское книжное издательство выпустило сборник стихов «Непросто говорить о Шукшине», повторило его, значительно расширив. Кто только там не выступил со стихами! На смерть народного любимца дежурно откликнулись и Евтушенко, и Вознесенский, и Рождественский – троица с обложки перестроечного «Огонька». Слабее всего стихи (или песня) Высоцкого:

Калина красная такая,

Смерть самых лучших намекает

И дёргает по одному.

Такой наш брат ушёл во тьму!..

Наверное, он имел в виду: выдёргивает из рядов живущих. Дёрнуть можно за рукав или - ста

кан. Но там же и стихи Саши Романова, по строчке которого я назвал свои заметки, да и моё короткое стихотворение.

НА ПИКЕТЕ

Пусть рассеется мгла по дорогам,
Выводящим на волю, на свет,
Что разлит по алтайским отрогам,
Над горою с названьем Пикет.

Снова дали с неё – неоглядны,
Для отчаянья – нету причин:
Есть Россия, есть поиски правды,
Есть Василий Макарыч Шукшин.

ГОРЬКАЯ ДОНСКАЯ ПОЛЫНЬ

Мало кто знает, что дебютом Шукшина в кино был фильм «Тихий Дон» Сергея Герасимова. Во второй серии он сыграл матроса, который выглядывает из-за плетня. Последняя роль – тоже Шолохов среди полынных донских просторов. Летом 2017 года я сплавлялся в очередной раз не от станицы Вешенской с домом-музеем гения, а от Серафимовича до Перекопской, мимо Шукшинского утёса. Но прежде – для контраста! – о другом. Вернулся, переполненный воспоминаниями, пропахший дымом рыбацкого костра и запахом полыни на месте страшной переправы и съёмки фильма «Они сражались за Родину», в Москву. И попал на государственное награждение. Оторопел просто и написал статью в «Российском писателе» - «Время обесцениваний и контрастов». Накануне праздника семьи, дня памяти святых Петра и Февронии, в Кремле состоялось очередное награждение деятелей культуры. Это нечто ошеломительное! Были вручены государственные награды деятелям искусства, нау-

ки, политики. Есть в их числе действительно заслуженные люди вроде актёра и режиссёра Сергея Никоненко, дружившего с Шукшиным, снимавшим фильмы по его рассказам. Но есть и олигарх Михаил Сафарбекович Гуцериев, которому достался Орден почёта в постмодернистской упаковке - как «поэту-песеннику» (таковым он даже именовался в официальном пресс-релизе). Да, он накропал 700 (!) плохо рифмованных текстов, многие из которых были переложены на музыку и спеты такими падкими на деньги звёздами, как патриотка Украины София Ротару, депутат Иосиф Кобзон, кумиры домохозяйек Стас Михайлов, Николай Басков, и многими другими не бедными исполнителями. Вообще-то Гуцериев по жизни, как сегодня выражаются, – владелец компаний АО НК «РуссНефть» и ОАО «Русский Уголь» и регулярно находится в топе журнала Форбс, потому что кризисы таких только обогащают. А ещё в его собственности находится 8 (!) радиостанций: «Такси FM», «Восток FM», «Гово-

рит Москва», «Столица FM», Love Radio, «Радио Дача», «Шансон» и «Весна FM», которые заполнены песнями владельца. Какими? А вот такими абракадабрами, которыми стонет Григорий Лепс: «Подскажи мне, старый черт, Где мечта моя летала, Дни мои наперечет, И душа куда пропала? Страсть заснула, задохнулась, Все надежды захлебнулись, В старых грезах задушила, Слезы мудрость обнажила!»

Какой такой старый чёрт, и кто чего обнажил? – деньги снимают лишние вопросы. И одежды, к слову. Так, среди награждённых ещё была попсовая дива Ирина Нельсон, она же Ирина Тюрина, солистка группы «Рефлекс» (в простонародье – «Поющие труссы»), которая любит фотоснимки без турусов. Глава Администрации президента Антон Эдуардович Вайно торжественно вручил ей медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени - внимание! - «за высокий профессионализм, многолетнюю артистическую деятельность, богатейший накопленный опыт и большой личный вклад в развитие молодёжи, популяризацию образа доброты и романтики, активную жизненную позицию, продвижение принципов ненасилия и безупречную репутацию». Вклад в развитие молодёжи, чем АП, увы, не занимается, хоть есть там соответствующее управление – это сильно!

Вот так, без полутонов, она и просвещает хоть на сцене, хоть на откровенных фотосессиях. И страшно гордится наградой: «Я начинала как сольная певица в эстрадном проекте, потом стала создателем и лидером ультрамодной группы «Рефлекс» и

сейчас, несмотря на загруженный гастрольный график, я начала работу над новым социальным проектом, направленным на оздоровление нашей нации. И вот здесь, стоя в Екатерининском дворце Кремля, среди почтенных и уважаемых людей, я, единственная девушка из шоу-бизнеса, которой вручали эту медаль Ордена». Да, чем-то заслужила, выходит...

В Сети начали бурное обсуждение: «Не, я всё понимаю, но без кремлёвской награды никак? Я уж не говорю о нижеплинтусном музоне, исполняемом 45-летней «девушкой»...» Кстати, «девушке» – намного больше. По утверждению злых языков, она скостила себе 10 лет. Но у юзеров нет почтения к возрасту: «Заслуги перед Отечеством??? Ваши клипы мы помним, да, группа поющие труссы. Никогда не материлась, но тут не могу!» В стороне от обсуждений не мог остаться и супруг Ирины, продюсер Вячеслав Тюрин, который пишет ей песни: «О, селяви, я сохну без любви, тоска моя сгинь-сгинь. Мне так грустно, джинь джи».

Тюрин забыл про селяви и разразился очень эмоциональным комментарием, в котором обещал «отшибить» всем несогласным с наградой жены все и сразу. Правда, позднее комментарий был удален. Но песни и фривольные фото – остались, как и вопрос одного автора ЖЖ: «Покажите мне фейсы тех гамнюков, кто конкретно в АП формирует списки будущих кавалеров/лауреатов. До такой степени обесценивать высокие награды - это надо уметь».

Да, на дворе время обесцениваний наград, званий и профанаций творчества... «Быть писателем сегодня не престижно, а то и позор-

но». «Кому он нужен, ваш Союз писателей?», «Будущее за сетевой литературой и блогерством». Сколько этих и подобных высказываний я наслушался и начитался как профессор, которому по роду преподавательской деятельности надо копать в мути Интернета. И что же на самом деле? А в реальности либеральный сайт «Открытая Россия» поместил репортаж, который дышит гордостью, что с известным блогером Антоном Носиком, который основал Газе-

ту.Ru, портал Lenta.ru и занимал пост главного редактора VFM.ru., прощались в... ЦДЛ, как с настоящим писателем: «В Центральном доме литераторов проходили гражданские панихиды по Анне Ахматовой и Евгению Евтушенко, Илье Эренбургу и Даниилу Дондурею. 11 июля 2017 года – не просто дата прощания с Антоном Носиком. Это день, в который блогера признали литератором». Вот такой вот ряд и вывод!

Прежде чем перейти к главному впечатлению июля, я задал главный вопрос: «ЗА ЧТО ЖЕ ОНИ СРАЖАЛИСЬ?»

Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наши страдания, – не отдавай всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это. Будь человеком.

Василий Шукшин

В июле 1942 года, 75 лет назад, развернулась грандиозная Сталинградская битва – одна из наших невероятной тяжести побед, о которых призывал не забывать Василий Шукшин. Напомню, сам он родился 25 июля 1929 года... Двести дней и ночей на берегах Дона и Волги, а затем у стен Сталинграда и непосредственно в самом городе продолжалась ожесточенная битва. Участвовало в этой страшной круговерти с обеих сторон на разных этапах боевых действий свыше 2,1 млн. человек. По целям, размаху и кровопролитию боевых действий Сталинградская битва превзошла все предшествующие ей сражения мировой истории. Сражение развернулось на огром-

ной территории площадью около 100 тыс. кв. км при протяженности фронта от 400 до 850 км. Основными условиями окончательного разгрома СССР, по мнению Гитлера и высших руководителей вермахта, являлись захват Кавказа с его мощными источниками нефти, плодородных сельскохозяйственных районов Дона, Кубани, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, а также захват главной водной артерии – Волги. Сталинградская битва включает два периода: оборонительный – с 17 июля по 18 ноября 1942 г. и наступательный, победный – с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. В районе города Серафимовича – станция Клетская – разворачивались ожесточенные бои как на первом эта-

пе битвы, когда фашисты рвались на Сталинград, так и на втором этапе, когда наши войска перешли в контрнаступление. Именно по этому маршруту только что и проплыл я 87 км на плоту по Дону с сыном и друзьями, чтобы на этих эпических просторах ещё раз впитать в себя красоты Тихого Дона и вспомнить тех, кто подарил нам жизнь, кто воспел подвиг народный и призывал своим творчеством не отдавать это за понюх заморского табаку.

На том направлении, в том же месте, где вышли мы на берег с плота и вдохнули после запаха воды горячий степной запах сладкого донника и горькой полыни, наступали части 6-й армии тогда ещё генерал-полковника Паулюса. С 23 июля весь Клетский район стал местом сражений. Именно в этот день на безымянной высоте близ хутора Калмыкова в районе станицы Клетской четыре советских бронейщика: Петр Болото, Григорий Самойлов, Александр Беликов, Иван Алейников отразили атаку 30-ти фашистских танков, которые двигались на их позиции. Нам всё внушают, что 28 панфиловцев не смогли бы сдержать 50 танков, а тут 15 фашистских танков были подбиты, а 15 – дрогнули и повернули назад. Может быть, и корреспонденту Михаилу Шолохову рассказали об этом подвиге бойцов, но как бы там ни было, именно бронейщик Пётр Лопухин стал главным персонажем незавершённого романа «Они сражались за Родину». Там, конечно, есть и другие выдающиеся образы тех, кто спас Россию и сделал само вычеркнутое имя города Сталинграда символом великой победы, но именно Лопухин является выражением того негибавшего русско-

го характера, который всегда привлекал Михаила Александровича – от Мелехова в «Тихом Доне» до Соколова в «Судьбе человека». И когда Сергей Бондарчук получил добро на создание киноэпопеи, он видел в этой роли только Василия Шукшина.

Вообще, к слову, огромный художник и непрерываемый авторитет, он заранее видел всех главных героев и утверждал актёров практически без кинопроб. Подсчитано, что всего в фильме 57 значимых впечатляющих ролей и ещё 80 – второплановых, но тоже важных. А уж про массовку и вовсе говорить не приходится, хотя привлечённые к съёмкам солдаты и сокращали затраты, поочередно изображая то своих, то немцев (и румын, и венгров тоже!) – чего, конечно, потом в кадре никто не заметит. Бондарчук усадил в известковые окопы, в землю, про которую его герой крестьянин Звягинцев говорит: «Это же не земля, а увечье для народа», 9 народных артистов! Причём они сами в страшную жару копали окопы, и линиялые гимнастёрки, которые режиссёр не разрешал снимать и после съёмок, набухали солдатским, а не звёздным потом. Действие фильма происходит в такие же июльские дни 1942 года. На подступах к Сталинграду обескровленные, измотанные советские войска ведут тяжелые оборонительные бои, неся огромные потери. Небольшое стрелковое подразделение под командованием капитана Сумскова получило приказ: под огнём вражеской авиации и артиллерии обеспечить переправу через Дон советских воинских частей. Четыре дня стояли насмерть солдаты Стрельцов, Лопухин, Звягинцев – люди мир-

ных профессий, которых война заставила надеть шинели... При этом они в страшных условиях не потеряли ни убеждённости, ни человечности, ни чувства юмора. Пересмотрел снова – какие съемки, какая игра! Какое неистовство в борьбе с врагом, чувство локтя и юмора!

Только к концу июля немцы оттеснили советские войска за Дон – помните сцену спуска по лошади к Дону, знаменитую реплику Лопехина напарнику в исполнении друга – Георгия Буркова: «Не потонешь – говно не тонет»? А ту крестьянку, гениально сыгранную Ангелиной Степановой, которая, сложив на юбке натруженные руки, выговаривала Шукшину: «Вы куда отступаете, старухи, что ли, воевать будут? – Соли ему, пересолить бы вас!..»? Словно слыша её, 28 июля 1942 года народный комиссар обороны И. В. Сталин обратился к Красной Армии с приказом № 227, в котором потребовал усилить сопротивление и во что бы то ни стало остановить наступление противника. Предусматривались самые жёсткие меры к тем, кто проявит в бою трусость и малодушие. Намечались практические меры по укреплению морально-боевого духа и дисциплины в войсках. «Пора кончать отступление, – отмечалось в приказе. – Ни шагу назад!» В этом лозунге воплощалась сущность приказа № 227, который либеральные пропагандисты датируют чуть ли не первым днём войны, в крайнем случае, Московской битвы. Командирам и политработникам ставилась задача довести до сознания каждого воина требования этого приказа, но мы видим шолоховских героев среди горьких запахов полыни, которые

бьются насмерть без увещаний политруков.

* * *

...В тяжелую годину, 25 июля 1942 года, встретил своё 13-летие непоседливый, но много переживший подросток Вася Попов, который после ареста и гибели отца Макара Шукшина в 1933 году стал носить фамилию матушки. Она вышла второй раз замуж за Павла Куксина, семья переехала в Бийск, но в июле 1941 года отчима призвали на фронт, и семья возвратилась в Сростки. Там 22 июля завершится Всероссийский фестиваль «Шукшинские дни на Алтае», который будет проходить с 18 июля. Фестиваль пройдет в юбилейный для края год, программу составят кинофестиваль, литературные чтения, выставки и различные презентации. В писательскую делегацию вошли писатели и поэты Евгений Водолазкин, Александр Кердан (Екатеринбург), Юрий Козлов, Владимир Молчанов (Белгород), Мария Маркова (Вологда). В делегацию кинематографистов вошли режиссер Анна Матисон, режиссёр Виктор Мережко (он же стал председателем жюри Шукшинского кинофестиваля), заслуженная артистка России Марина Яковлева, заслуженный артист Республики Беларусь Анатолий Котенёв, рок-музыкант, композитор Гарик Сукачёв. Представляю, что бы сказал о хриплых песнях последнего Василий Макарович... Включил бы он их в понятие «наши песни, наши сказки»? – большой вопрос...

Но и здесь на Дону, рядом с бывшей Мелоклетской, где обрвалась 2 октября 1974 года жизнь великого русского творца и труженика, помнят и чтят Шукшина. Наш плот причалил к пляжу базы

отдыха Волгоградского технологического колледжа. Быстро пошёл по горячий, с двумя белыми колеями дороге на Шукшинский утёс, вдыхая горький запах полыни, чтобы побыть у часовни с иконой Василия Великого одному, пока не подошли спутники. Место это – неимоверной эпической красоты, оно чем-то напомнило мне Венец над Клязьмой в Вязниках – на родине Алексея Фатьянова. Далеко видно с таких высот, о многом поёт нестихающий ветер, высокие мысли рождает эта былинная красота, но и брэнность свою ощущаешь, начинаешь с горечью думать о беспамятстве и безответственности людской, которой досмерти противостоял Василий Макарович.

Место бывших боёв и съёмок указал Сергею Бондарчуку сам Михаил Шолохов. Он знал и красоту этих Меловых гор, и то, какую память хранит сама земля, начинённая металлом. Съёмки начались весной 1974 года на хуторе Мелологовском в 20 километрах от станицы Клетской. Жара стояла 40-градусная. Выжженные солнцем холмы, густая меловая пыль, которая оседала на одежде, лицах, аппаратуре. После взрывов, многочисленных дублей, уставшие актеры отправлялись на теплоход «Дунай», который превратили в гостиницу. Массовка из местных разбредалась по хуторам. Но то лето запомнилось людям не только потому, что запросто можно было поболтать с людьми, которых знала вся страна, послушать байки Юрия Никулина, пригласить их на уху или в баню. Жители окрестных хуторов словно пережили войну во второй раз. Сергей Бондарчук, чтобы максимально приблизиться к дням ожесточенных боев, жи-

гал целые поля пшеницы и ячменя (первый секретарь райкома и директор совхоза «Перекопский» чуть не плакали – ведь деньги за компенсацию тогда не всё решали!), гнал испуганный взрывами скот – для сцен всеобщего отступления. Работница библиотеки позже скажет в сердцах на телекамеру: «Ужас! Я подумала даже: наверное, предательницей бы тогда стала – так страшно...» Участники массовой жадно ждали премьеры, всматривались в экран, а напрасно: сцены эти сильнейшие требовали вырезать в год 30-летия Победы. Только Звягинцев перетирает созревшие колосья пшеницы на фоне измученных съёмками и жарой беженцев. А хутор Мелологовский по разрешению местных властей Бондарчук переселил полностью: выкупил дома, а потом их сжег, вместе с пристроенной к ним бутафорской деревней. Один домишко оставался.

Писатель Борис Екимов в своей книге «По Дону. Путевые заметки» («Наш современник» №2 2003) написал в своём духе: «Открывается хутор Мелологовский, место уютное, красивое. Коренной берег подошел распадком, оставляя у воды просторное ровное место, немного угористое. Зелень садов. А жилья нет. И лишь на самом краю, где уже к берегу подступают меловые кручи, стоит полуразрушенная хатка-мазанка возле старой груши. Рядом следы былого подворья. Еще недавно эта хатка была живой. Я здесь плавал и помню, как старая женщина – последняя жительница хутора – шла по тропке вниз за водою, к Дону. Тропка осталась и теперь. Она идет от хаты чуть наискось по холму. Вот же высота. Помню я, как тяжело было глядеть, когда старая женщина медленно шла с

ведрами, вверх и вверх, стояла, передыхая, и снова шла. А перед нею над Доном лежал пустой хутор Мелологовский, родной ее хутор. Нелепая ему выпала судьба. Эта женщина вместе с хутором прожила здесь долгие годы. Пережила Великую Отечественную войну. А вот война понарошку ее обездолила. Дело в том, что здесь снимался фильм “Они сражались за Родину”. Фильм получился хороший, но на беду старой женщины для съемок выбрали именно это место – хутор Мелологовский. Везли сюда водою танки, орудия, иную технику, людей. Хутор должен был сгореть в огне киношной войны. Жителям, владельцам домов, заплатили отступное, и они разъехались кто куда. Долее других, говорят, не сдавался хозяин большого, как у нас называют, «круглого» дома-пятистенка под железной крышей. Он его недавно построил. Уже началась “война”. Стреляли, бомбили. И он сдался. Получил деньги и уехал. А старухин домишко расположен на самом краю, даже на отлете, на горе. Его не тронули.

Лето прошло. Съемки кончились. И осталась старая женщина жить одна. Долго ее видели речники с проходящих судов: как она во дворе возилась, как по воду шла. Теперь ее нет. И хатка рушится. Кончился хутор Мелологовский ... »

Узнаю стиль в духе скупого плача моего давнего знакомого Бориса Екимова, но хутор уже до съёмок кончался, умирал, как многие бесперспективные малые населённые пункты тогда. А сегодня уже и не оплачешь целые огромные станицы. Например, наше путешествие завершилось на 87 км пути у правого берега в станице Перекопская, где ориентиром причаливания называли остатки грузового терминала бывшего хлебоприёмного пункта. Конструкция давно ржавеет, Дон, по которому собирали на баржи зерно, стал не судоходным, всю технику, углублявшую русло, давно продали на металлолом. Согласно переписи населения 1897 года, в станице проживали 614 мужчин и 682 женщины, из них грамотных: мужчин – 284, женщин – 88. Это, кстати, к вопросу о процветавшей якобы былой казацкой грамотности и культуре... Когда снимался фильм, в станице жили около 300 человек, по переписи 2010 года оставалось 75, сегодня – около пятидесяти... И никакого фильма тут с обездоливанием, как написал Екимов, не снимали. В музее Клетской хранится газета «За урожай» с приглашением на съёмки местного населения. В них до 2000 человек участвовали. Соберёшь ли сегодня хотя бы половину?

НАШИ УТРАТЫ

Этот белый песчаный берег,
Этот сильный утренний жерех,
Не стихающий шум ветров...
Незабвенны донские просторы,
И стоят Меловые горы,
Словно памятники веков.

Известняк берегов спрессован,
На высоком мысу часовня
Как одна из духовных вершин.
Неизбывны наши утраты:
Здесь в бессмертье ушли солдаты
И Василий Макарыч Шукшин.
Сколько ярких дорог осталось?
И когда настигнет усталость?-
На стремнине вопрос смешон.
Плот остался отрадой детской,
И от Клетской до Мелоклетской
Нас баюкает Тихий Дон.

* * *

Отбаюкал Тихий Дон великих писателей XX века... Но истинно народные художники слова продолжают жить и оказывать благотворное влияние и после ухода. Сама смерть Шукшина всколыхнула внимание к этим краям. Есть в райцентре Клетская улица Шукшина и библиотека имени Шукшина. В музее истории казаков воссоздана каюта №9, где жил и скончался Шукшин. Николай Губенко вспоминал: «Я первым, к несчастью, обнаружил его смерть. Влетает Бурков – не пойму: Вася не отзывается! Я вошёл в каюту, он лежит, как мальчик, ладошки под щекой, простыня сползла... Это было страшно...» В каюте висит высказывание-девиз: «Хочешь быть мастером – макай своё перо в правду, ничем другим больше не удивишь». Вот этой правдой и дышит творчество самого Шукшина. В декабре 1989 года успели сдать в эксплуатацию новое здание районного ДК, где проводятся с 1990 года Шукшинские вечера, а в 1991 году открыт историко-краеведческий музей донского казачества «Подкова». А дальше - затишье... В октябре 2004 года на Шукшинском утесе состоялось торжественно-траур-

ное мероприятие – перезахоронение останков погибших воинов, найденных поисковым отрядом «Взрыв», и открытие памятника воинам, отдавшим жизнь на Клетском плацдарме.

Когда спустился по запечатлённому в фильме логу вниз, к Дону, подплыл на моторке к плоту Иван Иванович Зерщиков – директор базы Волгоградского технологического колледжа. Сам он – местный, из станицы Клетской (14 км отсюда), из казацкого рода. Именно он строил в 2005 году часовню, мемориальный комплекс. Оператор и друг Шукшина Анатолий Заболоцкий сложил пирамиду из камней и установил табличку: в этом месте умер на съёмках фильма Василий Шукшин. Сначала этот памятный знак просто обновляли, а потом они с заведующим отделом культуры районной администрации Николаем Ивановичем Дранниковым решили собирать деньги на часовню и солидный камень. На открытии было очень много народу, приезжали кинозвезды из Москвы. И потом кто только не бывал, но постепенно на осенние памятные дни праздник начал замирать. Два года назад не стало энтузиаста Дранникова, и

теперь отвечает за Шукшинские дни Наталья Семикина из администрации - бывшая директриса ДК. Нельзя допустить, чтобы праздник с нотой скорби совсем заглох в этом красивейшем месте России. Поразительно, что часовню с иконой святого Василия так до сих пор никто не взял на баланс, не выделил бюджетных средств. Иван Иванович продолжает присматривать и ухаживать за ней, искать спонсоров, если что-то надо отреставрировать. Не сворачивает свою деятельность казачий поисковый отряд, ребята поднимают новых павших солдат, находят медальоны, посылают запросы. Нашли останки двух украинцев из Полтавы, послали официальный запрос - даже не ответили! Дважды Иван Иванович с горечью повторил: «Лисовский из Полтавы - никакого ответа...»

Последние описания праздника в интернете относятся к 2014 году, где артист Юрий Назаров читает у часовни пророческие стихи Тютчева. Написал Наталья Семикиной письмо: надо бы подключиться Союзу писателей России. Конечно, местные жители, включая руководство, больше знают киноактеров, но умирал-то признанный писатель Шукшин, который дал последнее интервью здесь, над донскими струями, болгарскому журналисту Спасу Попову, студенту Литинститута. Итак, последние слова Шукшина были записаны на хуторе Мелоголовском во вторник 16 июля 1974 года в 9 часов утра. Попов и Григорий Цитриняк из «Литературки» спросили Шукшина о Шолохове. Шукшинская характеристика М. Шолохова оказалась несколько иной, чем в клеветническом «Стремени «Тихого Дона»».

- От этих писателей я научился жить суетой. Шолохов вывернул меня наизнанку. Шолохов мне внушил - не словами, а присутствием своим в Вешенской и в литературе, - что нельзя торопиться, гоняться за рекордами в искусстве, что нужно искать тишину и спокойствие, где можно осмыслить глубоко народную судьбу... Сейчас я думаю о коренном переустройстве своей жизни. Пора заняться серьезным делом. В кино я проиграл лет пятнадцать, лет пять гонялся за московской пропиской. Почему? Зачем? Неустроенная жизнь мне мешала творить, я метался то туда, то сюда. Потратил много сил на ненужные вещи. И теперь мне уже надо беречь свои силы. Создал три-четыре книжечки и два фильма. Все остальное сделано ради существования. И поэтому решаю: конец кино! Конец всему, что мешает мне писать.

Журналист Попов спросил: «Могу я все это напечатать?» - «Конечно. Я потому и согласился на наш разговор». На этом общение писателя Шукшина с газетами, с миром, со всей суетой жизни завершилось. К концу сентября съёмки близились к завершению. Остаётся всего несколько эпизодов. Пронзительную сцену со знаменем полка снимали 1 октября. В тот день съёмки затянулись допоздна. Многие валились с ног. Несмотря на усталость Василий Шукшин, Георгий Бурков и Николай Губенко приняли приглашение местного жителя попариться в тесной бане. Там Шукшину стало плохо с сердцем, и он попросил отвезти его на теплоход. А под утро Василия Макаровича не стало... Недостающие эпизоды досняли уже в Москве в павильонах Мосфильма с помощью дублёра

- актёра Юрия Соловьёва со спины. А озвучивал вместо Шукшина мастер дубляжа – ленинградский актёр Игорь Константинович Ефимов. Фильм имел огромный успех. Только в 1975 году его посмотрели более 40 миллионов зрителей. По опросу читателей журнала «Советский экран», проведённому в 1976 году, «Они сражались за Родину» был признан лучшим фильмом, а Шукшин – лучшим актёром года. Режиссёр Бондарчук и оператор Юсов стали лауреатами Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых. Картина

получила международное признание. Она была представлена в основной программе Каннского кинофестиваля, удостоена премии Союза антифашистских борцов Чехословакии на XX Международном кинофестивале в Карловых Варах.

Начальный титр фильма: «Во имя всех тех, кто жив, и тех, кого уже нет, и тех, кто будет потом». Последний титр «Павшим за Родину!» Таким солдатом, павшим на духовном поле брани, и был Василий Шукшин, чей 88-й день рождения мы отмечаем 25 июля...

СВЕТЛАЯ СТРУЯ

Статья в «Российском писателе» и в «Советской России» вызвала горячие отклики. Вот что написал критик и поэт Григорий Блехман: «Замечательный вопрос: «За что же они сражались?» Он давно уже стал нашим «проклятым вопросом». Конечно, не за тот ширпотреб, основанный на инстинктах и меркантильности, о чём идёт речь в первой части публикации. По популярности такого ширпотреба в обществе можно судить о степени его здоровья и в немалой мере о внутренней политике в стране, поскольку уровень культурной компоненты ярчайший показатель сути деятельности власти. А сражались, конечно, за то, о чём идёт речь во второй части публикации - за наше духовное здоровье, без чего название Человек утрачивает смысл. Очень хорошо на таком сильном контрасте выстроил свою статью Александр Бобров. Такое построение оказывает максимально действие не только на разум, но и на эмоции, что добавляет любой

литературной работе убедительности».

А вот бесфамильный, но гневный Евгений: «Автор сосредоточился на фельетонных именах - Гущериев, Носик, а слона и не заметил, хотя уши его торчат в информации. Это - список приглашенных на знаменитые шукшинские дни. Лучше всего посмотреть их официальную программу, там всё яснее. Русских писателей нет, один Кердан назван «российским». Остальные - сами понимаете. Как же это так? А так. Списки, по всей вероятности, диктуются Баком, захватившим все литмузеи страны, в том числе и Шукшинский. Чтобы Боброву было понятней, это как если бы завтра (так и будет) его не пригласили на Фатьяновский праздник, а туда понаехали Гандлевский, Кибиров и Макаревич. Автор статьи часто возмущается тем, что Роспечать не берет русских писателей за рубеж, ограничиваясь одним и тем же списком имен. Теперь пришла очередь и России, русских писателей здесь делают внутренни-

ми эмигрантами. Делают нагло и хамски. Что этим кукловодам до того, что Водолазкин и Маркова ни творчески, ни даже стилистически к Шукшину не имеют никакого отношения. Слон, упомянутый выше, крушит всё. Тем более что после Василия Макаровича на очереди юбилей Белова, а Маркова - сотрудница его музея-квартиры. Вот и соберутся они на Пикете, на котором у памятника Шукшину почти весь вечер будет петь доморощенная группа «Лев Шапиро и друзья». И слова там подходящие: «Что-то главное вышло из моды, А мы согласно законам природы Все вгрызаемся в мир, будто рыбапила...».

Но на такой печальной ноте заканчивать заметки не хочется. Приведу третий отзыв – комплиментарный: ««О самом существенном» Боброва, практически все публикации под этой рубрикой приравниваю к военной публицистике писателей СССР времен

ВОВ. Разница только в том, что советских писателей печатали все главные газеты страны, озвучивало ТАСС и все радиостанции. Боброва же читают несколько сот неравнодушных, униженных и оскорбленных. Горе отечеству, если оно не слышит самое существенное в нашей жизни. Но час придет! Верю: Слово имеет материальную силу».

Да, и я в это верю! Иначе как объяснить, что при всём замалчивании Василия Шукшина-прозаика на прилавках просто нет его книг? Как нет в магазинах сборников Николая Рубцова, который по тиражам давно обогнал когда-то самого печатаемого Евгения Евтушенко. Слово – материально и провиденциально в России. Почти нет этих русских художников на телеэкранах, а грядущий парень выйдет где-то на берег Оби и разглядит в ней светлую струю народной жизни, молвы и совести.

ШУМИТ КАТУНЬ

...И только слышно, как шумит Катунь.

Николай Рубцов

Я тоже слышал этот шум когда-то
На редконаселенном берегу.
Гудит Катунь, глотая перекаты,
Расталкивая скалы на бегу!

Вода настолько первозданно дышит
И корни подмывает ивняку,
Что, кажется: в своем полете слышит
Шукшинскую и Колину строку.

Того плота и лодки той не сбили,
Чтоб сладить с ней – попробуй, приспособь!
Пройдя свой путь, Катунь схлестнется с Бией,
И обе речки образуют Обь.

Но даже там грядущий парень русский
Опять увидит, дерзкий, молодой,
Как долго мчит, пускай и в общем русле,
Катунь особой – светлой! – водой